АНАТОМИЯ ПОРОКА

$$P(t) = e^{Qt} = \sum_{n=0} \frac{Q^n t^n}{n!}$$

$$Q = \left\{ q_{ij} \right\}$$

$$q_{ij} \geq 0, \ \ i \neq j; \ \sum_{j}^{n} q_{ij} = 0,$$

$$P(t+s) = P(t)P(s)$$

$$P(0) = I$$

$$P(t) = \begin{Bmatrix} p_{11}(t) & p_{12}(t) & \cdots & p_{1n}(t) \\ p_{21}(t) & p_{22}(t) & \cdots & p_{2n}(t) \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ p_{n1}(t) & p_{n2}(t) & \cdots & p_{nn}(t) \end{Bmatrix}$$

$$p_{ij}(t+s) = \sum_{k=1}^{n} p_{ik}(t) p_{kj}(s)$$

$$= \int_0^\infty p_{ik}(t) p_{kj}(s) dk$$

$$\int_0^\infty p_{ij}(t) dt = \begin{cases} -\dfrac{1}{q_{ij}}, & i \neq j \\ \dfrac{1}{q_{ii}}, & i = j \end{cases}$$

$$G = \int_0^\infty P(t) dt = -Q^{-1}$$

$$g_{ij} = \int_0^\infty p_{ij}(t) dt$$

ПОГРЕШНОСТЬ

18+

Анатолий Ф. Згарский

Погрешность

«Автор»

2026

Ф. Згарский А.

Погрешность / А. Ф. Згарский — «Автор», 2026

Смирнова Елена Петровна — признанный математик, доцент престижного факультета. Ее жизнь кажется идеально выверенным уравнением: стабильный брак, обожаемая дочь, уважение коллег и международный триумф на симпозиуме.Елена искренне верит в теорию Маркова случайных процессов. Она уверена, что тайный грех десятилетней давности навсегда замурован под плинтусом благополучия её семьи.Но у Вселенной другие масштабы, и её расчёты не знают компромиссов. Ошибка, допущенная в самом начале жизненного пути, не растворяется во времени. Случайная встреча запускает лавину неумолимого возмездия. Ее благополучный фасад рушится, погружая героиню в удушающий водоворот событий.«Погрешность» — это глубокий интеллектуальный психологический триллер о том, что за каждым преступлением против человеческой души следует неумолимое физическое возмездие, что ни один порок не может быть скрыт, и когда система накапливает критическую массу греха, граничные условия стираются, требуя окончательной платы.

© Ф. Згарский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

«Анатомия порока» 5
ЧАСТЬ I. НАЧАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ 7
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Погрешность

«Анатомия порока»

Анатолий Ф. Згарский

АНАТОМИЯ ПОРОКА
ПОГРЕШНОСТЬ

Интеллектуальный психологический триллер

Анатомия порока. Погрешность
Авторское право © 2026 Анатолий Ф. Згарский
Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме или любыми средствами, электронными, механическими, фотокопированием, записью или иным образом, без предварительного письменного разрешения автора.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не ставит перед собой цель развлечь читателя или увлечь его хитросплетениями детективного вымысла. Это роман-предупреждение, анатомический срез человеческого падения и строгое напоминание о нерушимых законах, по которым функционирует наша вселенная.

Сегодня, в эпоху обманчивого прогресса и культа абсолютного эгоизма, человечество стремительно погружается в трясину массовой духовной слепоты. Пороки, которые раньше заставляли людей прятать глаза, теперь возведены в ранг личных достижений, упакованы в глянцевые фасады социальных сетей и продаются под видом свободы. Нас окружает мир, насквозь пропитанный ядом похоти, ненасытной алчности, пожирающей зависти, слепой жадности, злорадства, ненависти и тотальной, повсеместной лжи. Люди виртуозно научились возводить баррикады самооправдания, прикрывая низость своих поступков обстоятельствами, выгодой или велением времени. Они наивно полагают, что грех, замурованный под плинтусом внешнего благополучия или скрытый в полумраке закрытых комнат, можно просто вычеркнуть из памяти, обнулив начальные условия.

Какая слепая, высокомерная гордыня!

Мироздание не терпит пустоты и не прощает погрешностей. Человеческая судьба — это не марковская случайная цепь, и прошлое в ней никогда не стирается бесследно. Каждый тайный помысел, каждое малодушное решение, каждое предательство любви и ложь близким накапливаются в системе, деформируя сам базис нашей жизни. За каждым преступлением против человеческой души неотступной тенью следует неминуемая, физическая расплата. И если

земной суд можно обойти с помощью связей, денег или безупречных медицинских диагнозов, то высшие весы не знают компромиссов.

Путь каждого человека — от великого ученого до последнего палача — ведет к одному, предреченному за тысячелетия рубежу. Настанет дискретный миг, когда иллюзии рассеются, маски будут сорваны, и каждому из нас придется держать ответ стоя перед Высшим Судом Истины. Там исчезнут полутона, там не будет званий и статусов. Там раскрываются Книги Вечности, и судимы будут мертвые и живые по написанному в них, сообразно с делами своими.

Пусть эта история станет для вас зеркалом. Помните: свиток жизни пишется набело, раз и навсегда. И за каждый шаг, за каждое действие и скрытый порок в конце пути придется заплатить полную, окончательную плату.

ЧАСТЬ I. НАЧАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

«И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими».

(Откровение Иоанна Богослова, гл. 20, ст. 12)

Глава 1. Точка невозврата

За панорамными, кристально вымытыми стеклами люкса на девятнадцатом этаже беззвучно таяла душная, наэлектризованная городская ночь. Внизу мегаполис расстилался гигантской мерцающей микросхемой: холодные неоновые магистрали, светящиеся капилляры автомобильных фар, глухие темные кубы высоток. Но здесь, на высоте птичьего полета, гравитация привычного мира переставала действовать.

В просторном номере стоял густой, осязаемый полумрак, рассекаемый лишь желтоватой полосой бра над массивным изголовьем кровати.

Воздух казался слишком тяжелым для дыхания — он пропитался запахом дорогого табака, торфяной смолой выдержанного островного виски и чужим, обжигающим мужским парфюмом с горькими нотами сандала и выделанной кожи.

Мне было всего двадцать. Самая обычная третьекурсница, чья вселенная до этой ночи надежно запиралась в строгие границы формул, дифференциальных уравнений и библиотечной тишины. Я искренне верила, что жизнь подчиняется аксиомам: если ты честен, трудолюбив и последователен, погрешность исключена. Хаоса не существовало. Любую беду можно было разложить на известные переменные и вычислить единственно верный ответ.

Какая наивная, глупая детская иллюзия.

Когда у мамы диагностировали стремительно прогрессирующую опухоль и завотделением, отведя меня в угол ординаторской, устало постучал пальцем по снимку: «Десять тысяч долларов, Леночка. На немецкие препараты, расходники и операционную бригаду. Счет на дни, квоту ждать три месяца, а у нее нет даже двух недель», — вся моя хваленая математика рассыпалась в пыль.

В нашем доме никогда не видели таких денег. Отец с его скромной инженерной зарплатой и я с копеечной повышенной стипендией могли собрать от силы тридцать тысяч рублей.

А потом в больничном коридоре появился человек, передавший мне визитку из тисненого картона с одним лишь номером телефона: «Позвони, девочка. Тебе помогут».

И вот теперь я стояла посреди чужого ковра, босиком, чувствуя, как мелкая, неконтролируемая дрожь поднимается от колен к горлу.

Николай Фёдорович не походил на карикатурного бандита. Ему было около сорока: подтянутый, с широкими плечами, сединой на аккуратно подстриженных висках и тяжелым, буравящим взглядом темно-карих глаз. В его осанке, в неспешных, скупых жестах чувствовалась та сокрушительная, опасная власть человека, который привык отдавать приказы полушепотом и получать желаемое без малейшей заминки.

— Ты все еще дрожишь, Леночка, — негромко произнес он.

Его баритон, низкий и бархатистый, вибрировал в тишине комнаты, словно низкая басовая струна. Он медленно подошел ближе. От него исходила сухая, хищная мужская сила, парализующая остатки воли.

— Не надо. Я ведь не зверь. Твоя мать завтра утром получит всё: палату, операционную, лучших хирургов. Всё будет хорошо, расслабься.

Когда его сильные, горячие пальцы коснулись моего подбородка, я инстинктивно вздрогнула и попыталась отшатнуться к стене, пряча лицо. Но хватка была железной.

Без грубости, но с абсолютной, непререкаемой уверенностью он повернул мою голову, заставив посмотреть прямо в его темные, немигающие зрачки. Пальцы пахли хорошим табаком и теплой кожей.

— Смотри на меня.

Он притянул меня к себе. Шерсть его дорогого пуловера кольнула обнаженную шею, и в ту же секунду его губы накрыли мои — жадно, глубоко, требовательно. Внутри меня все оборвалось, словно лопнул несущий трос. Девичья стыдливость, гордость отличницы, весь мой прежний чистый мирок были сметены за секунды.

Его руки не терпели робости. Они жестко сминали мои плечи, опускались на талию, прижимая мое хрупкое тело к скользящей прохладе графитовых шелковых простыней. Я ждала боли, ждала слепого животного насилия, которое можно было бы просто перетерпеть, мысленно улетев в потолок. Но самое страшное заключалось в другом: Николай Фёдорович владел мной не как бездушной вещью. Он вел эту ночь медленно, со знанием опытного, искушенного хищника, выжигая во мне способность сопротивляться.

Когда его тяжелое, горячее тело навалилось сверху, выбивая из легких воздух, внутри меня вспыхнул темный, удушающий пожар. Это было омерзительно и неотвратимо одновременно: разум кричал от позора, а молодое, не знавшее близости тело против моей воли отзывалось на его ласки. Кровь превратилась в пульсирующий расплавленный свинец.

Я до боли впивалась короткими ногтями в его широкую спину, прятала лицо в его шее и, теряя рассудок от кружения высоты и греха, глухо стонала в темноту номера, не понимая, где кончается страх и начинается животный, лихорадочный дурман.

Это была ночь абсолютного краха моей невинности.

Когда первые полосы рассвета скользнули по стеклу окна, наваждение осыпалось. Николай Фёдорович ушел неслышно, не прощаясь, пока я лежала лицом в подушку, укутавшись в скомканную простыню.

В огромном номере повисла звенящая тишина.

Лишь на полированной прикроватной тумбочке тускло белел толстый прямоугольник — плотный крафтовый конверт, туго перетянутый резинкой. Внутри лежали ровно десять тысяч долларов новенькими стодолларовыми купюрами.

Цена жизни моей матери. И цена моего пожизненного несмываемого позора.

Глава 2. Координаты абсолютного счастья

Утром, едва удерживая зубами рвущуюся наружу дрожь и натянув воротник куртки до самых глаз, чтобы скрыть припухшие, искусанные губы, я уже не бежала — летела по серым кафельным лабиринтам областной клинической больницы.

Город за окнами только начинал просыпаться, но в хирургическом корпусе царил свой удушливый, безжалостный ритм. Запах хлорамина, спирта, марли и чужого физического страдания стоял в воздухе плотной стеной. Обувь скользила по линолеуму.

Пальцы судорожно, до белизны суставов сжимали лямки матерчатого рюкзака, где на самом дне лежал тяжелый, обжигающий сквозь ткань сверток.

Я толкнула дверь кабинета заведующего без стука. Пожилой хирург с воспаленными, красными от бессонной ночи глазами оторвался от кипы историй болезней. Поверх массивной оправы он глянул на меня с привычной врачебной усталостью, приготовившись произнести дежурные сочувственные слова.

— Доктор... я нашла. Я всё принесла! — задыхаясь, сорванным голосом выкрикнула я, шагнув к массивному столу и выкладывая конверт прямо на раскрытые рентгеновские снимки. — Здесь вся сумма. Десять тысяч. В долларах, как вы говорили. Спасите её!

Хирург замер. Он посмотрел на деньги, затем перевел взгляд на меня: всклокоченные волосы, синева под глазами, лихорадочный блеск зрачков. Строгое, иссеченное морщинами

лицо врача дрогнуло, на нем проступило неподдельное, чистое человеческое облегчение. Он торопливо придвинул к себе мамину карту и толстым красным маркером размашисто перечеркнул титульный лист:

— Успела, девочка... Господи, успела в самый последний момент. Еще двое суток — и процесс стал бы необратимым, опухоль перекрыла бы воротную вену. Завтра первым номером берем на стол. Профессор Вольхин будет оперировать лично. Иди в палату, Леночка. Успокой мать. Теперь мы ее вытащим.

Я что-то невнятно пробормотала пересохшими губами и на деревянных, подкашивающихся ногах вышла в коридор. Мимо катили каталку, кто-то глухо стонал за белой филенчатой дверью, санитарка монотонно шоркала тряпкой по линолеуму.

Я шла, глядя прямо перед собой, пока за поворотом не показался темный, глухой закуток возле пожарной лестницы — с зеленой масляной краской на стенах и красным огнетушителем на кронштейне. Там силы кончились. Словно перерезали нить, державшую меня на плаву всю эту ночь.

Я сползла по холодной шероховатой стене прямо на корточки, уткнулась лицом в колени и зарыдала — беззвучно, страшно, содрогаясь всем телом от рвущих спазмов в желудке.

В душе бушевал безумный шторм: я была бесконечно счастлива, что эта проклятая пачка бумаги подарит моей маме рассветы, воздух, жизнь... И в то же мгновение я задыхалась от тошноты к самой себе. Я ненавидела свое предавшее тело, презирала тот постыдный, животный трепет, с которым отзывалась на чужие властные руки в полумраке отеля.

Я знала: прежней чистой девочки Лены больше нет. Мое уравнение жизни дало неустранимую системную ошибку, и начальные условия в нем были заданы кровью растоптанного достоинства.

Прошло десять лет.

Тот ледяной больничный тупик, запах карболового мыла и крафтовый конверт со временем затянулись плотной коркой, превратившись в далекий, почти стертый ночной кошмар.

Моя математическая модель мира перестроилась заново. Я выстроила крепость, в которую не должен был проникнуть ни единый призрак прошлого.

Майские выходные выдались сказочными — тихими, напоенными мягким весенним теплом. Мы уехали из пыльного, гудящего мегаполиса в наше родовое гнездо: двухэтажный деревянный дом на высоком берегу реки, спрятанный среди шелестящей березовой рощи. Пахло талой речной прохладой, влажной землей, клейкими почками и цветущей у крыльца сиренью.

Семья была в сборе. Мой отец, Пётр Степанович — крепкий, коренастый седовласый мужчина с лучистыми морщинками у прищуренных глаз — священнодействовал у кирпичного мангала. От углей поднимался густой березовый дух и сводящий с ума аромат маринованного мяса. Папа неторопливо переворачивал шампуры, наставляя Артёма:

— Мясо требует внимания, Тёма. Чуть передержишь на открытом жаре — и весь сок выйдет, останется подошва. В семейной жизни ровно так же, понимаешь? Главное — терпение и основательность. Смотрю я на вас с Ленкой и нарадоваться не могу: правильный ты мужик, надежный. Мне за дочь спокойно. Знаю, что за тобой она как за каменной стеной.

Мой муж Артём — высокий, широкоплечий, в простой домашней футболке и потертых джинсах — облокотился на перила веранды со стаканом яблочного сока и раскатисто, добродушно рассмеялся:

— Ну что вы, Пётр Степанович, Ленка же у нас сокровище. Хоть иногда и включает строгого профессора, когда мы с Настькой обувь в прихожей разбрасываем. За нее и за дочку я любого разорву, вы же знаете. А маринад шикарный — все-таки луковый сок с минералкой лучше кефира, признаю.

Отец заговорщически подмигнул зятю, и они снова углубились в мужские темы: замену кровли, рыбалку на зорьке и автомобили.

Чуть поодаль, за круглым столом под матерчатым навесом, мы с мамой в четыре руки строгали салат. На деревянных досках сочно хрустели ранние огурцы, пахло свежим укропом.

Мария Тимофеевна — здоровая, румяная, с аккуратно уложенными седеющими волосами — ловко очищала тугой томат. Глядя на ее ловкие пальцы, я каждый раз ощущала, как по сердцу разливается горячая, благодарная нежность. Она была здесь. Живая.

— Ленусь, ну а на кафедре-то как? — ласково спросила мама, смахивая зелень в большую эмалированную миску. — Студенты сильно донимают?

— Ой, мам, не то слово, — улыбнулась я, подхватывая ее темп. — Четвертый курс наглый пошел, думают, если преподаватель — молодая женщина, можно улыбнуться на первой парте и получить зачет автоматом. Но меня не разжалобишь, ты же знаешь. Зато ректор вчера вызвал, намекнул: декан через год уходит на заслуженный отдых, мою кандидатуру подают на согласование.

— На место декана? — мама замерла с ножом в руке, ее глаза просияли искренней материнской гордостью. — Доченька... Господи, радость-то какая! Но ты береги себя, нагрузка ведь сумасшедшая.

Впрочем, ты у меня с характером, справишься. Главное — дома лад. Артём тебя на руках носит, Настюшка растет. Счастье ведь хрупкое, Леночка, беречь его надо.

— Знаю, мамуль. Берегу, — тихо ответила я, ласково прижавшись щекой к ее теплому плечу.

Прямо у наших ног по изумрудной траве, рассыпанной мелкими белыми маргаритками, с веселым визгом носилась наша четырехлетняя Настя. В ярком желтом сарафанчике, с растрепанными русыми кудряшками, она увлеченно пыталась поймать ленивого пушистого рыжего кота, который притворно удирал под скамейку, позволяя детским ручкам гладить мягкую спину.

— Мама, папа, смотрите! Рыжик со мной в прятки играет! — звенел ее колокольчик.

Я смотрела на мужа, на родителей, на залитый солнцем двор, и мне казалось, что моя жизненная функция достигла абсолютного максимума. Все были живы, счастливы и здоровы. Мой старый грех был погребен под этим фундаментом безупречного покоя.

Глава 3. Теория скрытых переменных

Понедельник со звонкой безжалостностью вернул меня в строгий, размеренный ритм мехмата.

В свои тридцать лет я добилась статуса, на который многие тратили десятилетия кропотливого труда. Доцент кафедры, кандидат физико-математических наук, автор десятка цитируемых статей. Университет был моим святилищем, моей неприступной броней. Строгий темно-серый шерстяной костюм идеального кроя, белая шелковая блузка, застегнутая на все пуговицы, туфли на шпильке и тонкие швейцарские часы — подарок Артёма в день защиты диссертации — очерчивали четкую границу между мной и внешним миром.

Я стояла у широкой трехсекционной доски в поточной аудитории номер 402. Зал амфитеатром уходил под самый потолок. Пахло дубом, восковой полиролью и меловой пылью, кружащейся в лучах утреннего солнца, пробивавшегося сквозь высокие стрельчатые окна. Мел в моих пальцах выстукивал четко, как метроном, выводя многоэтажные ряды матриц переходных вероятностей.

— Итак, коллеги, перейдем к определению, — я постучала бруском мела по доске, привлекая внимание трех сотен студентов.

— Марковский случайный процесс обладает фундаментальным свойством отсутствия последействия. Вероятность перехода системы в любое будущее состояние зависит исключи-

тельно от её состояния в текущий момент времени и совершенно не зависит от того, каким именно путем система в эту точку пришла.

Я повернулась к залу, положив ладони на край полированной кафедры. Зал слушал затаив дыхание. Я любила эту тишину — дисциплинированную, напряженную тишину работающей мысли.

— Прошлое аннулируется, — добавила я, чуть заметно улыбнувшись уголками губ. — Память системы обнуляется в каждый новый дискретный момент. Имеет значение только то, где мы находимся здесь и сейчас. Хвост предыстории равен нулю.

Это была не просто тема лекции. Это было мое скрытое кредо, мой внутренний щит. Я искренне верила, что жизнь можно упорядочить как марковскую цепь: отрезать прошлую грязь, вычистить воспоминания и жить в точке идеального настоящего, никогда не оглядываясь назад.

Гулкий звонок разорвал тишину. Аудитория мгновенно ожила: зашуршали тетради, заскрипели стулья, поток студентов хлынул к широким дверям. Я не торопясь собирала материалы в плотный кожаный портфель, наслаждаясь возвращением покоя.

— Блестящая подача, Елена Петровна. Вы заставляете абстрактную теорию звучать почти поэтично, — раздался от первого ряда приятный, уверенный мужской голос.

Я подняла глаза. Перед кафедрой стоял Алексей — молодой ассистент, недавно пришедший на кафедру математического анализа после защиты кандидатской. Ему было около двадцати шести: высокий, подтянутый, с темными волнистыми волосами и модной щетиной. Он был в узких брюках и приталенной рубашке с небрежно закатанными рукавами, обнажавшими крепкие предплечья. В его позе и полуулыбке читалась привычка нравиться женщинам.

— Спасибо, Алексей, — спокойно ответила я, защелкивая замок рабочего ноутбука. — Рада, что на матанализе помнят о теории вероятностей.

— Перед вашей харизмой трудно устоять даже матанализу, — он шагнул ближе, непринужденно оперевшись бедром о край стола и глядя мне прямо в глаза с открытым вызовом. — На самом деле, я сейчас готовлю статью по оптимизации граничных условий. Мне крайне не хватает сильного соавтора. Может быть... обсудим это сегодня за ужином?

Неподалеку открылась отличная траттория, там варят потрясающий ризотто. Поговорим о марковских процессах в неформальной обстановке. Да и вообще... хотелось бы узнать вас поближе, Елена Петровна. Не только по служебным запискам.

Его взгляд стал чуть более откровенным, чем допускала академическая этика.

— Благодарю за лестное предложение, Алексей, — ответила я ровным, безукоризненно вежливым тоном, в котором, однако, отчетливо проступил профессорский холод. Я намеренно приподняла руку, поправляя воротник пиджака, чтобы на свету блеснуло гладкое золотое кольцо. — Тему статьи мы можем обсудить в четверг, в мои консультационные часы на кафедре. А ужины я провожу исключительно дома. Меня ждут муж и дочь.

Алексей на мгновение сбился с тона, его взгляд скользнул по обручальному кольцу. Но он быстро справился с замешательством, усмехнулся и шутливо развел руками:

— Против вашей логики не поспоришь, Елена Петровна. Необратимость времени и верность начальным условиям. Вашему мужу можно только позавидовать. Тогда до четверга на кафедре?

— До четверга, Алексей. Удачи со статьей.

Когда шаги ассистента стихли в длинном гулком коридоре, на крышке стола коротко завибрировал мой телефон. На экране вспыхнуло уведомление от Артёма:

«Ленусь, мы с Настей дома. Купил твой любимый сыр с плесенью и груши. Ждем нашу ученую маму на ужин. Целуем!»

Теплая волна окатила грудь, окончательно растворив легкий осадок от разговора. Я улыбнулась, закрыла портфель и выключила свет в пустой аудитории. Завтра утром меня ждал ран-

ний рейс на международный симпозиум в Осло — мой первый крупный триумф на европейской научной арене. Три дня докладов, дискуссий и формул, после которых я вернусь в свою тихую, надежную гавань.

Глава 4. Северный меридиан

Аэропорт Гардермуэн встретил меня прохладным, почти стерильным простором из светлого скандинавского дуба, матового стекла и серого полированного сланца. Здесь не ощущалось привычной столичной суеты. Норвежский воздух, ворвавшийся в телетрап в первую же секунду после открытия люка, пах талым снегом, близкой хвоей и кристальной озерной чистотой. После душного салона самолета, где я три часа механически перечитывала формулы своего доклада, этот прохладный сквозняк показался целебным. Он мгновенно смыл дорожную сонливость и навязчивое напряжение последних рабочих недель.

У выхода из зоны выдачи багажа колыхалась редкая вереница встречающих. Подхватив свой темно-синий чемодан, я сразу выхватила взглядом высокую, худощавую фигуру молодого человека в элегантном шерстяном пальто и объемном шарфе крупной вязки. В руках он держал лаконичный белый планшет с четкой надписью: «Dr. Elena Smirnova / Univ. of Oslo Symposium».

Заметив, что я замедлила шаг и смотрю на табличку, он мягко улыбнулся и сделал шаг навстречу. У него было открытое скандинавское лицо, пепельные непослушные волосы и живые серо-голубые глаза за тонкой металлической оправой очков.

— Елена Петровна? Добро пожаловать в Норвегию! — произнес он на удивительно чистом русском языке, с легким, певучим прибалтийским акцентом. — Меня зовут Эрик. Эрик Торсен.

Я аспирант кафедры прикладной математики Университета Осло. Оргкомитет назначил меня вашим координатором на время работы симпозиума.

— Здравствуйте, Эрик, — я улыбнулась, пожимая его теплую, сухую руку, и невольно выдохнула: — Признаться, я уже настраивалась на английский прямо с трапа.

— О, не беспокойтесь!

Я два года стажировался в Санкт-Петербурге на матмехе, так что для меня сопровождать вас — исключительное удовольствие и языковая практика, — легко рассмеялся он, галантно перехватывая ручку моего багажа. — Позвольте чемодан. Машина на нижнем ярусе, пойдемте к лифтам. До центра около сорока минут, трафик сегодня на удивление свободный.

Мы спустились на подземную парковку к аккуратному белому универсалу. Когда автомобиль плавно вынырнул из освещенного тоннеля на автомагистраль E6, передо мной распахнулся величественный северный простор. Невысокие пологие скалы, покрытые сизым мхом и плотными шапками темно-зеленых елей, чередовались с деревянными усадьбами цвета темной охры и охристо-красной фасадной краски. Небо над холмами стояло светлое, жемчужно-серое, словно выбеленное долгими полярными ветрами, и сквозь него струился ровный, чистый свет.

Эрик вел машину мягко, со скандинавской невозмутимостью, попутно вводя меня в курс программы:

— Завтра в десять утра торжественное открытие в главном корпусе, и сразу ваша пленарная лекция. Профессор Линдквист лично настоял, чтобы секцию по стохастическим уравнениям открывали именно вы.

Ваши выкладки по стохастической устойчивости вызвали на факультете огромный интерес.

Слушая его размеренный, доброжелательный голос и глядя на убегающие назад гранитные откосы, я чувствовала, как расправляются плечи. В этом чистом пространстве я была не просто доцентом, утопающим в бумажной университетской рутине, я была востребованным ученым, чью мысль ценили на равных лидеры европейской науки.

— Знаете, Елена, — обернулся на светофоре Эрик, когда шоссе перешло в городские проспекты с неоготическими кирпичными зданиями и строгими стеклянными фасадами, — до официального заселения в гостиницу у Ратуши еще добрых два часа. Если вы не слишком разбиты после перелета, предлагаю оставить чемодан в багажнике и пройтись через старый центр к заливу. Погода сухая, а морской бриз отлично приводит мысли в порядок.

— Это прекрасная идея, Эрик. С удовольствием, — согласилась я.

Оставив машину на паркинге неподалеку от крепости Akershus, мы вышли на мощеные булыжником улицы исторического сердца Осло — Kvadraturen. Этот район возник в семнадцатом веке по воле короля Кристиана IV, который после разрушительного трехдневного пожара приказал выстроить новый город строго по линейке. Здесь правила строгая, геометрическая красота: широкие прямые улицы пересекались под безупречными прямыми углами, темные фасады из обожженного кирпича чередовались со строгими арками, за которыми прятались уютные дворики с коваными фонарями. Воздух здесь был особенным — соленым, пахнущим водорослями, мокрым гранитом и жареным карамельным миндалем из маленьких уличных лавок.

На площади Christiania Torv Эрик остановился у знаменитого фонтана, увенчанного бронзовой рукой в тяжелой перчатке:

— Королевский жест, — с улыбкой показал он на монумент. — По легенде, Christian IV ударил перчаткой о землю и произнес: «Здесь будет стоять город». Никаких колебаний. План расчертили заново, дерево заменили на камень — город выстоял века.

— Прекрасный пример победы человеческой мысли над хаосом, — отозвалась я, разглядывая строгую перспективу улицы.

Мы спустились мимо старинных построек Анатомического театра вниз, туда, где за современными жилыми кварталами открылась сверкающая панорама Осло-фьорда. Вода залива отливала глубоким сапфировым оттенком, почти черным у каменных причалов, где мирно покачивались мачты яхт и белоснежные паромы. Кричали чайки, и упругий соленый ветер овевал лицо, приятно холодя кожу и растрепывая выбившуюся из прически прядь.

И тут за поворотом набережной Бьёрвика открылось зрелище, от которого у меня перехватило дыхание. Оперный театр Осло.

Он казался не зданием, построенным человеческими руками, а гигантским айсбергом, плавно выплывшим из темных глубин фьорда на берег. Ослепительно белые плиты итальянского каррарского мрамора и кристаллическое матовое стекло взмывали вверх под широким, дерзким углом. Его наклонная крыша спускалась прямо к кромке воды, образуя единую монолитную плоскость без ступеней, перил и запретов — огромное общественное пространство, по которому неторопливо поднимались люди.

— Это работа нашего бюро «Snøhetta», — с нескрываемой гордостью пояснил Эрик, глядя на мое завороженное лицо. — Главный замысел в том, чтобы архитектура растворялась в ландшафте, а крыша принадлежала каждому, кто хочет увидеть горизонт. Поднимемся?

— Непременно, — выдохнула я.

Мы ступили на наклонную белую плоскость. Подошвы мягко ступали по фактурному, шероховатому мрамору. С каждым шагом наверх город словно раздвигал свои границы: позади оставались стройные башни ратуши и зеленые холмы, а впереди распахивалась безграничная синева фьорда, усеянная лесистыми островками и силуэтами морских судов. Сквозь стеклянные витражи фасада внизу проглядывала волнообразная теплая стена зрительного зала из золотистого балтийского дуба — изумительный контраст древесного тепла и мраморного северного льда.

На самом верху, на продуваемой ветром широкой площадке, я подошла к парапету. В лучах полуденного солнца, пробившего плотную пелену облаков, вода в заливе вспыхнула

мириадами серебряных искр. Чуть поодаль покачивалась на волнах скульптура из стекла и стали «She Lies» — застывший посреди залива рукотворный ледяной кристалл.

— Здесь потрясающая акустика и удивительное чувство масштаба, — негромко произнес Эрик, опираясь на ограждение рядом. — Словно стоишь на мостике океанского лайнера.

— Это чистая гармония, — ответила я, подставляя лицо упругому северному ветру. — Ни одной лишней линии, ни одного случайного изгиба. Абсолютный математический баланс.

В кармане плаща мягко завибрировал телефон. Я достала его и увидела новое сообщение от Артёма.

На фотографии они с Настей сидели на кухне за нашим круглым столом.

Дочка с испачканным в черничном джеме носом победно держала перед собой альбомный лист, на котором восковыми мелками был выведен кривой, трогательный синий кораблик под алым флагом. Муж обнимал ее за плечи и открыто, тепло улыбнулся в объектив.

Подпись гласила: «Наш капитан отправляет корабль к берегам Норвегии! Ленусь, мы тебя любим. Покори там всех своих профессоров и возвращайся скорее».

На душе стало так светло и спокойно. Я сделала панорамный кадр залитой солнцем мраморной крыши, уходящей прямо в море, и отправила снимок в ответ, приписав:

«Любимые мои, стою на самой вершине оперы у фьорда. Здесь невероятно красиво, но дома с вами лучше всего на свете».

Я спрятала телефон обратно в карман и огляделась вокруг. Воздух был прозрачен до самого горизонта, кричали чайки, а впереди ждали новые научные победы, спокойный отель и уютный вечер за подготовкой к завтрашнему триумфу.

Жизнь казалась совершенной, несокрушимой конструкцией, в которой все расчеты сошлись безупречно.

Глава 5. Векторы притяжения

Утренний конференц-зал Университета Осло казался храмом чистой, дисциплинированной мысли. Высокие, уходящие ввысь своды из светлого балтийского ясеня, амфитеатр, залитый мягким, рассеянным северным светом сквозь панорамные зенитные фонари, и негромкий, уважительный гул на десятках европейских языков. Здесь собрались ученые, чьи имена я годами видела на титульных листах фундаментальных монографий и в престижных научных вестниках.

Когда председательствующий профессор объявил мой доклад, я поднялась к кафедре с той безупречной, выверенной собранностью, которая всегда выручала меня в моменты наивысшего напряжения. Строгий костюм, белоснежная блузка, гладко уложенные пшеничные волосы, спокойный и сосредоточенный взгляд серо-голубых глаз.

— Уважаемые коллеги, тема моего доклада— «Стохастическая устойчивость многомерных систем в условиях неполноты граничных данных».

Я говорила на свободном, беглом английском языке, ритмично и четко, переключая слайды с многоэтажными системами дифференциальных уравнений Ито и графиками сложных фазовых траекторий. Зал слушал в напряженной, осязаемой тишине — той особенной, драгоценной тишине профессионального признания, которую невозможно подделать или купить.

Когда на огромном экране загорелся финальный слайд с выводами, аудитория на секунду замерла, а затем взорвалась гулкими, нарастающими аплодисментами. Сидевший в первом ряду профессор Линдквист — патриарх скандинавской школы теории вероятностей — медленно поднялся со своего места и одобрительно склонил седую голову.

В свои тридцать лет я заставила европейскую научную элиту признать мою правоту.

Вечером в банкетном зале гранд-отеля у Ратуши в Осло звенел хрусталь, отражаясь в зеркально полированном паркете, и тихо, ненавязчиво играл живой джазовый квартет.

Высокие окна от пола до потолка открывали вид на ночной Осло: цепочки неоновых огней, темную гладь фьорда и далекие силуэты причалов. Атмосфера располагала к легкости — позади оставались месяцы нервной подготовки, бессонных расчетов и черновиков.

— Елена Петровна! Позвольте еще раз выразить искреннее, глубокое восхищение вашей работой, — раздался рядом мягкий голос.

Я обернулась. Эрик Торсен сменил свое дневное шерстяное пальто на безукоризненно скроенный смокинг. В приглушенном вечернем свете он выглядел невероятно эффектно: высокий, статный, с мягкой европейской раскованностью в осанке и живым, умным взглядом серо-голубых глаз за тонкой металлической оправой очков. Он протянул мне тонкий бокал сухого белого вина.

— Спасибо, Эрик, — я с улыбкой приняла бокал. — После утреннего напряжения этот вечер кажется почти нереальным.

— Ваш сегодняшний доклад — это настоящий прорыв, — произнес он, легко переходя на русский язык со своим приятным, чуть певучим акцентом. — Вы заставили меня полностью пересмотреть топологию граничных условий в одной задаче, над которой я безуспешно бился последние полгода.

Мы отошли к высокому панорамному окну. Разговор завязался сам собой: Эрик оказался не просто галантным координатором, а блестящим, глубоким теоретиком. Мы спорили о нелинейных операторах, смеялись над академическими анекдотами и чопорностью кембриджских рецензентов, переходя с математических терминов на житейские наблюдения. С ним было легко, свежо и увлекательно.

Но с каждым часом в глазах Эрика все отчетливее проступало нечто большее, чем сугубо научный азарт. В них вспыхнуло открытое, теплое мужское восхищение. Молодой норвежец смотрел на меня не как на абстрактного доцента с кафедры, а как на привлекательную, статную женщину, чья холодная строгость лишь распаляла интерес. По коже пробегала легкая, почти забытая волна чисто женского удовольствия — в этом не было ничего дурного, любому человеку приятно чувствовать себя желанным.

К ночи джаз стих, гости начали неторопливо расходиться.

— Позвольте, я провожу вас, — мягко предложил Эрик, отставляя пустой бокал.

Мы поднялись на бесшумном лифте на мой этаж и медленно пошли по тихому коридору, устланному толстым ковролином цвета морской волны, где бра освещали графику со скандинавскими пейзажами. У самой двери моего номера Эрик остановился.

В коридоре повисла тишина, нарушаемая лишь далеким гулом вентиляции. Эрик повернулся ко мне, сделал осторожный шаг, сокращая дистанцию, и мягко, но вполне уверенно накрыл своей горячей ладонью мою руку. Его взгляд за стеклами очков потемнел, стал глубже и требовательнее.

— Елена... время ведь еще детское, — негромко произнес он с легкой, интригующей хрипотцой в голосе. — Может быть... мы продолжим нашу захватывающую беседу у вас в номере? У меня есть пара очень интересных мыслей по поводу вашей публикации, которые гораздо лучше обсудить в приватной, расслабленной обстановке. Из Осло нельзя уезжать, так и не узнав вкуса норвежского гостеприимства.

Воздух между нами мгновенно сгустился. В его словах и полуулыбке читался откровенный, красивый, искушающий флирт. Мужчина проверял границы, рассчитывая на понятную дорожную вольность: чужая страна, тысячи километров до дома, закрытый номер пятизвездочного отеля, где ни одна живая душа никогда бы не узнала о том, что произошло за этой дверью. Никаких рисков, никакой огласки. Идеальные условия для минутной слабости.

Но для меня здесь даже не существовало задачи со многими неизвестными. Моя система координат не знала двойных стандартов. Моя внутренняя ось оставалась непоколебимой. Ни

на секунду, ни на миллиметр эта игра не задела моего сердца: там прочно и безраздельно царил Артём.

Я мягко, без тени испуга или суеты, но с абсолютной, несгибаемой решимостью высвободила пальцы из его ладони и сделала ровный, четкий шаг назад, к замку. На моем лице не появилось обиды — лишь спокойная, холодная и уверенная улыбка взрослой женщины, чей внутренний закон не зависит от географических широт.

— Спасибо за прекрасный интеллектуальный вечер, Эрик. Вы блестящий ученый и замечательный собеседник, — произнесла я ровным, безукоризненно вежливым тоном. — Но все константы в моей жизни уже давно определены. Я абсолютно счастлива в браке и не ввожу в уравнение своего настоящего посторонних переменных. Всего вам доброго и удачи с квантовой топологией.

Эрик на мгновение замер. На его лице отразилось замешательство, которое быстро сменилось неподдельным уважением. Он отступил на шаг и чуть склонил голову:

— Достойный ответ, доктор Смирнова. Вашему мужу невероятно повезло. Спокойной ночи.

Я приложила пластиковую ключ-карту. Электронный замок тихо пискнул, загорелся зеленый светодиод, и дверь захлопнулась, оставив молодого норвежца одного в пустом коридоре.

Сердце стучало чуть быстрее обычного от остаточного адреналина, но это было чистое, гордое ощущение женщины, которая верна себе до конца. Настоящая верность — это не страх разоблачения перед соседями или коллегами. Настоящая верность — это когда ты одна в ночном отеле на краю Европы, и твой внутренний стержень не сгибается ни на йоту.

Самолет плавно коснулся шасси взлетной полосы. За иллюминатором моросил привычный столичный дождь, асфальт блестел темным зеркалом, но эта серость казалась самой теплой на свете.

Едва автоматические двери зоны прилета разъехались, я увидела его. Артём стоял у ограждения в своей знакомой куртке, возвышаясь над толпой встречающих. В руках он бережно держал небольшой, завернутый в крафт букет белых фрезий — моих любимых цветов.

Заметив меня, муж расплылся в той открытой, родной улыбке, которая всегда снимала с меня любую усталость.

— Ленка!

Он шагнул навстречу, подхватил меня на руки и оторвал от пола, прижимая к себе так крепко, что перехватило дыхание. Я уткнулась лицом в его шею, вдыхая родной запах — холодный уличный воздух, нотки крепкого черного кофе и чистого хлопкового тепла.

— Наконец-то, — прошептал он, целуя меня в висок. — Три дня без тебя — это пытка. Поехали домой, Настя у родителей до завтра, мы одни.

Мы сели в машину. Пока Артём уверенно вел автомобиль сквозь вечерние пробки, я, поджав под себя ногу на пассажирском сиденье, взахлеб рассказывала ему обо всем: про белый мрамор оперы, про Линдквиста, про успех доклада.

И напоследок, смеясь, легко рассказала, как самоуверенный аспирант Эрик пытался напроситься ко мне в номер «обсуждать формулы».

Артём лишь добродушно, раскатисто рассмеялся, покачав головой:

— Ну а что ты хотела? У меня жена — мировая красавица и профессор. Пусть завидуют скандинавы.

В его глазах не было ни капли ревности — лишь безграничное, абсолютное доверие. Он сжал мою ладонь своей сильной рукой, согревая пальцы.

Дома был долгожданный покой. Мы поужинали, долго говорили обо всем на свете, упиваясь теплом родных стен, а затем уставшие рухнули в постель.

Утро субботы выдалось ленивым, пронизанным золотистыми полосами солнца, пробивавшимися сквозь тонкий тюль спальни. В квартире стояла блаженная, редкая тишина: Настенька все еще гостила у дедушки с бабушкой, за окном шелестела молодая листва, и не нужно было никуда бежать.

Я проснулась первой, сладко потянулась, чувствуя всем телом мягкую прохладу постельного белья, и повернулась к спящему мужу.

Артём лежал на животе, уткнувшись лицом в край подушки; тяжелое одеяло сползло, обнажая его широкую, рельефную спину и крепкие плечи. На душе было так безмятежно и озорно, что я не удержалась: приподнялась на локте и кончиком пальца провела по его шее, спускаясь вдоль позвоночника, а затем невесомо прикоснулась губами к его теплому плечу.

— М-м-м... Ленка, ты не даешь спать уставшему строителю, — не открывая глаз, сонно и хрипло пробормотал он, но на его губах уже появилась довольная, хитрая улыбка.

— А кто обещал, что после возвращения из командировки я дам тебе выспаться? — лукаво прошептала я ему прямо на ухо, запуская пальцы в его густые темные волосы.

— Ах вот ты как!

Артём мгновенно раскрыл глаза, в которых вспыхнул знакомый, голодный и шальной огонек. Резким, мощным движением он перевернулся, увлекая меня в свои широкие, надежные объятия на сбившихся простынях. Мой шутливый вскрик потонул в его губах: его поцелуй был жадным, глубоким, но полным той трепетной, накопившейся за дни разлуки мужской страсти, от которой перехватывает дыхание и приятно кружится голова.

В спальне словно вспыхнул сухой порох. Мы любили друг друга отчаянно, шумно и ненасытно, празднуя наше долгожданное уединение. В его руках не было чужой, пугающей жесткости — только родная, уверенная сила. Его ладони оглаживали мои бедра, поднимались к талии, откликаясь на каждое движение моего податливого, истосковавшегося тела. Каждое прикосновение отзывалось во мне сокрушительной, обжигающей волной чистого удовольствия, окончательно выметая из памяти все формулы, конференции и чужие взгляды. Я прерывисто стонала, впиваясь пальцами в его напряженные плечи, растворяясь в этом законном, счастливом экстазе до самого донышка.

Когда последняя судорожная волна отпустила нас, мы еще долго лежали в обнимку, тяжело и счастливо переводя дыхание на влажных, скомканных простынях.

Артём ласково гладил меня по мокрым от испарины волосам, целуя в висок, а я уткнулась носом в его ключицу, чувствуя себя самой защищенной и любимой женщиной на свете.

Спустя полчаса, смыв под горячими струями душа следы нашей утренней бури и накинув любимый изумрудный шелковый халат, я босиком пошла на кухню. Впереди были прекрасные совместные выходные. На плите уже закипал кофе, я нарезала сыр и тосты, абсолютно уверенная в том, что наше семейное счастье непоколебимо.

Глава 6. Случайные попутчики

Понедельник вернул наш дом в привычный, благословенный метроном порядка.

Есть особое, осязаемое наслаждение в том, как просыпается квартира, где всё держится на взаимной любви и выверенном годами спокойствии. Воздух на нашей светлой кухне, где на чисто вымытом подоконнике пышно цвела бледно-розовая герань, насквозь пропитался густым утренним уютом: подрумяненными пшеничными тостами, топлёным сливочным маслом, кипящим молоком и терпкой смородиновой нотой свежезаваренного чёрного чая. С улицы сквозь приоткрытую створку окна тянуло свежим, чуть влажным после ночи запахом молодой клейкой листвы и далёким, ровным шумом просыпающегося мегаполиса.

Мы завтракали не торопясь, наслаждаясь этой драгоценной домашней паузой перед суетой наступающего рабочего дня. Четырёхлетняя Настя в любимом платьице в крупный горошек, забавно болтая босыми ножками под высоким детским стулом, с азартом первооткры-

вателя гоняла маленькой серебряной ложкой круглую ягодку черники в тарелке с домашним творогом.

— Мама, а в Норвегии черника тоже синяя, или она ледяная, как сосулька? — звонко спросила она, подняв на меня свои огромные, лучистые глаза — точную копию отцовских.

— Точно такая же синяя, радость моя, — улыбнулась я, аккуратно промокнув бумажной салфеткой белую кляксу йогурта у неё на подбородке. — Только растёт прямо среди серых скал и сосен у самого залива.

Артём, сидевший напротив в мягком сером свитере, довольно прищурился поверх кружки с дымящимся кофе. В утреннем рассеянном свете его широкие плечи, открытое, загорелое лицо с упрямой складкой у переносицы и густые тёмные волосы казались олицетворением той надёжности, о которую без следа разбиваются любые внешние тревоги.

Он смотрел на меня с той тихой, глубокой нежностью, которая не нуждается в словах: в нас обоих ещё жило эхо субботней страсти, тепло постели и радость возвращения. Поймав мой взгляд, муж чуть заметно подмигнул и накрыл мою руку своей широкой, тёплой ладонью инженера-мостовика.

— До десяти вечера не засиживайся на кафедре, слышишь, профессор? — негромко произнёс он с лёгкой улыбкой. — У вас на факультете вечно то внеплановый семинар, то методический совет. А у нас с Настасьей важный проект: мы вечером закладываем второй пролёт балочного моста из конструктора. Без главного инспектора объект не сдадим.

— Главный инспектор прибудет точно по расписанию, в половине шестого, — отозвалась я, прижавшись ладонью к его пальцам. В груди разливалось удивительное, плотное чувство покоя.

Моё уравнение жизни находилось в точке идеального стационарного равновесия. Прошлое не имело власти над этим утром; оно казалось давно рассеявшимся мороком.

Сборы были быстрыми и привычными. Перед овальным зеркалом в прихожей я поправила строгий академический наряд: белоснежную шелковую блузку с аккуратным вырезом, строгий тёмный жакет, ладно облегающий талию, и узкую юбку чуть выше колен. Гладкие пряди пшеничных волос послушно легли вдоль шеи. Артём тем временем опустился на колено перед Настей, терпеливо застёгивая пряжки её розовых лаковых ботиночек, пока дочка надевала ранец со светоотражающими полосками и мордочками котят.

— Ну что, девчата, на старт? Линейная скорость в норме? — добродушно пошутил муж, поднимаясь во весь свой высокий рост и надевая привычную кожаную куртку.

— В норме, пап! Поехали! — весело отозвалась дочка, хватая его за руку.

Мы вышли из квартиры в просторный межквартирный тамбур. Дверь захлопнулась с мягким металлическим щелчком. И ровно в эту секунду мы столкнулись лицом к лицу с Катериной Михайловной.

Она жила в квартире напротив нас около двух лет, но наше общение до сих пор ограничивалось вежливыми кивками и дежурными фразами о счетах за отопление. Не заметить её в доме было невозможно.

Кате было тридцать три года. Природа наделила её той броской, хищной и породистой внешностью, которую невозможно не зафиксировать взглядом. При росте около ста семидесяти сантиметров у неё было сухое, подтянутое спортивное тело: рельефный силуэт, тонкая талия и длинные, безупречно прямые ноги. Густые, тёмно-каштановые волосы были туго затянуты на затылке в высокий гладкий хвост, полностью открывая изящную шею, чистый лоб и чётко очерченные скулы.

На ней был строгий брючный костюм глубокого синего оттенка сложного архитектурного кроя и классические туфли на высокой шпильке. В руках она держала объёмную папку для служебных документов из тёмной зернистой кожи. В доме о ней знали как о заместителе главного врача районного диагностического комплекса — женщине со статусом, связями и жёст-

ким, независимым характером. Замужем она не была, детей не имела и производила впечатление человека, целиком поглощённого карьерой.

— Ой, доброе утро, соседи! — мягко произнесла Катя.

Её низкий, бархатистый голос прозвучал с подчеркнутой утренней приветливостью. Но в глубине её тёмных, миндалевидных глаз на какую-то долю секунды мелькнул острый, цепкий холод. Этот мимолётный прищур скользнул по широким плечам Артёма, по моему лицу, задержался на Насте — цепкий, оценивающий взгляд человека, привыкшего мгновенно подмечать скрытые детали.

— Доброе утро, Екатерина Михайловна, — вежливо отозвалась я, слегка кивнув.

— Какая Настенька сегодня модница, — Катя чуть склонила голову, с улыбкой посмотрев на дочку. — Ранец с котятами? Настоящая маленькая леди идёт покорять детский сад.

— Да! У них ушки блестят на солнце, — серьёзно ответила Настя, слегка смутившись под пристальным вниманием взрослой соседки и плотнее прижавшись к ноге отца.

— Очень красивый, тебе идёт, — доброжелательно кивнула Катя.

Мы зашли в кабину лифта. Металлические двери с мягким гулом сомкнулись. В замкнутом пространстве тяжёлый, дорогой парфюм Катерины — терпкая композиция с нотами сухого ириса, кедра и лёгкой пудры — мгновенно вытеснил утреннюю прохладу подъезда. Она встала чуть впереди, поправляя ремешок кожаной сумки на плече. В полированной зеркальной панели лифта её взгляд на секунду встретился с отражением Артёма.

— Артём, вы на машине сегодня? — непринуждённо поинтересовалась она, чуть повернув голову в профиль. — В центре сейчас, говорят, пробки из-за ремонта теплотрассы.

— Нет, сегодня на метро быстрее, — отозвался муж, держа Настю за ладошку. — На мостовых развязках у кольца сужение до одной полосы, намертво встанем, а у меня в десять утра выездная комиссия технадзора на строящемся путепроводе. Опаздывать никак нельзя.

— О, как я вас понимаю, — Катя сочувственно покачала головой, и в её интонации прозвучала лёгкая, житейская досада. — Сама думаю, как до поликлиники добираться. С утра планерка у главврача, аудит страховой компании, гора историй болезней на подпись... Иногда кажется, что пешком быстрее дойти, чем сжигать нервы в утреннем трафике.

Она говорила с такой ровной, естественной лёгкостью, что любая мимолётная настороженность от её резкого взгляда рассеялась сама собой.

Лифт плавно затормозил на первом этаже. Двери разъехались, открывая просторный вестибюль. Консьержка кивнула нам из стеклянного окна, и мы вместе вышли на залитую весенним солнцем улицу.

Воздух был прозрачным и бодрящим, в молодых кронах лип шумно щебетали воробьи. У развилки асфальтированных дорожек, где путь разделялся к станции метро и жилому массиву, Артём остановился.

— Ну всё, мои девчонки, время поджимает, побежал я в подземку, — муж наклонился, тепло обнял меня за талию и поцеловал в губы. Затем подхватил Настю на руки, чмокнул её в круглую щёку под весёлый детский смех: — Слушай маму и воспитательницу, Настасья.

Вечером строим вантовый мост! Катерина Михайловна, хорошего вам дня и спокойных пациентов.

— Спасибо, Артём. Удачи с перекрытиями, — сдержанно ответила Катя, провожая его удаляющуюся высокую фигуру долгим, спокойным взглядом, пока муж не скрылся за гранитным парапетом спуска в метро.

Детский сад Насти находился буквально в трёхстах метрах от дома — нужно было лишь пройти тенистую аллею и обогнуть кирпичное здание стоматологии. Поликлиника Катерины располагалась чуть дальше по этой же улице, так что наша дорога до перекрёстка полностью совпадала.

Катя перехватила кожаную папку с документами под мышку и приноровилась к моему размеренному шагу. Цоканье её тонких шпилек по сухому асфальту звучало чётко и сухо. Настя вприпрыжку бежала чуть впереди нас, сосредоточенно пересчитывая белые полосы на пешеходном переходе.

— Какой у тебя Артём заботливый, Лен, — как бы между прочим заметила Катя, глядя перед собой на кроны деревьев. В её голосе проскользнула едва заметная, чуть насмешливая нота. — И с дочкой возится, и тебе столько внимания уделяет. Редкий экземпляр в наше время. Обычно мужчины после стольких лет брака уже охладевают, диван полируют или на сторону поглядывают. А у вас прямо образец семейной идиллии.

— Нам повезло друг с другом, — с лёгкой улыбкой ответила я, чувствуя приятный укол естественной гордости за свой дом.

— Мы привыкли во всём поддерживать друг друга. Это просто постоянная взаимная работа над отношениями.

— Работа, говоришь? — Катя странно усмехнулась, не поворачивая головы, и прищурилась на яркое солнце. — Ну, наверное. Главное, чтобы эта работа не превращалась в рутину. А то от рутины мужчины иногда начинают искать... новые уравнения. Ты же у нас математик, профессор, сама должна понимать теорию рисков.

Её тон показался мне слегка двусмысленным, с холодным, царапающим подтекстом, словно она намеренно прощупывала прочность моей уверенности. Но я не придала этому значения, списав реплику на привычный скепсис одинокой женщины, положившей молодость на бесконечные дежурства и административную гонку.

— В нашем уравнении все переменные давно проверены временем, Кать, — спокойно и ровно ответила я.

Мы дошли до кованых ворот детского садика. Настя уже взялась за ручку калитки, ожидая меня. Мы с Катериной тепло, по-соседски кивнули друг другу на прощание, пожелали удачной рабочей недели и разошлись в разные стороны. Она зашагала дальше по проспекту к своему диагностическому центру, а я повела дочку в группу, абсолютно уверенная в незыблемости своего семейного мира.

Глава 7. Обратная сторона медали

Мой понедельник в университетских стенах пролетел на едином дыхании — четко, выверено, в спасительном и строгом ритме академической дисциплины. Поточная лекция по теории вероятностей перед вторым курсом, где мел ритмично выстукивал по доске многоэтажные формулы пуассоновского распределения, проверка контрольных работ аспирантов, дежурные служебные разговоры на кафедре. Я жила в своем упорядоченном, кристально чистом мире, где любая задача имела единственно верное решение, а границы между добром и злом казались нерушимыми.

В это же самое время на другом конце нашего района, в светлом трехэтажном здании районной поликлиники, кипела совершенно иная жизнь.

Катерина Михайловна чувствовала себя здесь полноправной хозяйкой. Как заместитель главного врача по клинико-экспертной работе, она держала персонал в железном повиновении.

Старшие медицинские сестры бледнели, когда каблуки ее туфель сухо и быстро цокали по граниту коридоров; заведующие отделениями торопливо застегивали верхние пуговицы халатов при виде ее подтянутой, стройной фигуры.

Она была безупречна в своей административной строгости. Накрахмаленный белоснежный медицинский халат из плотной фактурной ткани сидел на ней как дорогое вечернее платье, выгодно подчеркивая упругую грудь, тонкую талию и рельефные линии бедер. На груди поблескивал аккуратный золоченый бейдж: «Заместитель главного врача Власова Е. М.». Черные волосы, собранные в идеальный, упругий конский хвост, чистый профиль, холодный, пронзи-

тельный взгляд карих глаз из-под слегка приподнятых бровей. На планерках Катя не повышала голоса, но ее тихий, ровный тон резал больнее хирургического ланцета, заставляя подчиненных безропотно выполнять любые распоряжения.

Однако за этим строгим, стерильным фасадом медицинского чиновника кипела глухая, тайная личная жизнь, о которой никто в коллективе не должен был даже догадываться.

В этом же медицинском комплексе работал Мурат — тридцатидвухлетний ведущий хирург отделения неотложной помощи. Приземистый, широкоплечий, с густыми смоляными волосами, мужественным смуглым лицом и глубоким, гипнотическим взглядом черных восточных глаз. Мурат обладал той животной, первобытной мужской силой, которая действовала на женщин безотказно. Он не был романтиком, не умел и не любил красиво ухаживать, но стоило ему подойти ближе и положить свою сильную, тяжелую руку на женское плечо, как воздух вокруг начинал звенеть от напряжения.

Их связь началась полгода назад внезапно, цинично и сокрушительно. В ней не было ни свиданий в ресторанах, ни букетов цветов, ни разговоров о будущем. Это была чистая, необузданная физиологическая зависимость двух сильных хищников, утолявших голод прямо в служебных стенах.

В обеденный перерыв, когда поток плановых пациентов спадал, а коридоры административного крыла на полчаса замирали, Мурат неслышно скользил в просторный кабинет Катерины. Тяжелая дубовая дверь немедленно запиралась изнутри на два оборота замка.

Катя сбрасывала накрахмаленный халат прямо на кресло, оставаясь в тонком кружевном белье. Они предавались страсти здесь же прямо на широком, низком диване из гладкой темно-коричневой кожи, пахнущем мебельной полиролью и спиртом. Он не тратил времени на нежности: срывал одежду властно, грубо, сминая ее сильное, гибкое тело своими тяжелыми ладонями. Катя до крови прикусывала нижнюю губу или зарывалась лицом в кожаную обивку дивана, чтобы ее хриплые, исступленные стоны не прорвались сквозь двойную звукоизолирующую дверь в коридор, где шуршали подошвами санитарки.

Мурат был ее личным наркотиком. Рядом с ним ее ледяное, расчетливое самообладание плавилось, уступая место темной, животной покорности, от которой у нее сладко кружилась голова. Кате казалось, что эта тайная, обжигающая власть над молодым хирургом принадлежит ей безраздельно. Она была уверена, что контролирует ситуацию до последнего миллиметра.

Но сегодня иллюзия рухнула.

Был поздний вечер понедельника. Часы приема давно закончились, за высокими окнами кабинета сгущались синие майские сумерки, поликлиника окончательно обезлюдела. Катя сидела за массивным полированным столом, аккуратно подшивая в толстую картонную папку акты проверок аптечного склада.

Дверь приоткрылась без стука. На пороге появился Мурат.

Катя подняла глаза и замерла. На нем не было привычного хирургического костюма цвета морской волны.

Мужчина был одет в безупречно сидящий темно-серый костюм-тройку из дорогой ткани, в белоснежную сорочку и начищенные до зеркального блеска туфли.

В воздухе кабинета мгновенно поплыл знакомый, тяжелый аромат элитного парфюма — сухое дерево, табак и пряный перец.

В его черных глазах не было привычного голодного огня. Там застыло мертвое, отстраненное и ледяное спокойствие.

— Мурат? — Катя кокетливо улыбнулась, отложив ручку. Внутри шевельнулась привычная сладкая волна; она поднялась из-за стола, плавно обходя его угол и потянувшись тонкой ладонью к его лацкану: — Ты сегодня в парадном? Решил устроить мне сюрприз после смены?..

Она подалась вперед, чтобы поцеловать его в губы, но Мурат мягко, сухо и непреклонно перехватил ее запястья на полуслове, остановив на дистанции вытянутой руки. Хватка была холодной, словно у железного турникета.

— Нам нужно поговорить, Катя, — произнес он глухим, низким голосом, в котором не прозвучало ни капли прежнего тепла. — Серьезно, коротко и без лишних эмоций.

Катя медленно опустила руки, чувствуя, как внутри под ребрами начинает расползаться противный, леденящий холодок.

— Что значит без эмоций? Что-то случилось?

— Наш формат закрыт, — Мурат даже не присел на предложенное кресло; он стоял у края стола, небрежно засунул одну руку в карман брюк и разглядывая корешки медицинских справочников на стеллаже. — Я женюсь. Через месяц. Семья невесты — очень влиятельные люди, отец держит сеть частных клиник и входит в коллегию министерства. Вопрос решен окончательно, наши родители ударили по рукам еще на прошлой неделе.

Слова падали в тишину кабинета, как тяжелые свинцовые гири. Катя оцепенела. Ее красивое лицо побледнело, дыхание перехватило так, будто из комнаты выкачали весь воздух.

— Женишься?.. — переспросила она одними губами, отказываясь верить услышанному. В висках тонко, мерзко зазвенело. — Мурат... ты шутишь? А как же мы? То, что было здесь... каждую неделю... Ты ведь сам говорил, что ни с кем...

— Катя, перестань, — поморщился он с легким оттенком раздражения, поправляя серебряную запонку на манжете. — Мы ведь взрослые люди. Мы с самого первого дня договорились: никакой грязи, никаких соплей и взаимных обязательств. С тобой было отлично.

Ты роскошная, темпераментная женщина, равных тебе мало. Но постель — это постель, а жизнь — это жизнь. Мне тридцать два года, мне нужна карьера, статус и нормальная семья моего круга. Я перевожусь главным хирургом в крупный клинический центр.

Он помолчал секунду, скользнув взглядом по ее окаменевшей фигуре, и добавил тем же сухим, формальным тоном:

— Смягчать углы и устраивать прощальные сцены не вижу смысла. Спасибо за все. Это было круто. Прощай, Катерина.

Он развернулся на каблуках и твердым, уверенным шагом вышел из кабинета. Дверь закрылась за ним с тихим, издевательски аккуратным щелчком замка.

Катя стояла посреди своего кабинета в полной неподвижности еще секунд тридцать. В тишине было слышно только размеренное тиканье настенных кварцевых часов под стеклом. А затем железная плотина ее хваленого самообладания, которую она методично выстраивала годами, рухнула с оглушительным треском.

— Тварь!.. — вырвался из ее горла хриплый, удушливый крик, сорвавшийся на дикий, почти звериный визг: — Гнида! Какая же ты падаль, Мурат! Ничтожество! Променял на молоденькую дочку чиновника, на министерские связи!

Схватив со стола тяжелый органайзер из зеленого уральского малахита, она с безумной силой швырнула его в противоположную стену. Камень с грохотом врубился в штукатурку, оставив глубокую вмятину; дорогие перьевые ручки со свистом брызнули по полу.

Следом со стола полетели стопки историй болезней, нормативные сборники, журналы учета сильнодействующих препаратов. Бумажные листы веером разлетались по кабинету, кружась в полумраке. Ее трясло крупной, неконтролируемой дрожью. Пальцы судорожно вцепились в тяжелый граненый графин с водой.

Взмах — и хрусталь с оглушительным звоном разлетелся на сотни острых брызг о полированную деревянную ножку того самого дивана, на котором еще недавно Мурат целовал ее до потери сознания. Холодная вода моментально впиталась в темно-синий ворс ковра.

Катя со слепым бешенством вцепилась обеими руками в ворот своего белоснежного халата и рванула его в стороны. Тонкая нить затрещала, верхняя перламутровая пуговица с

мясом вылетела из петли и отскочила под шкаф. Она рухнула на кожаный диван, сжав кулаки до побелевших костяшек, уткнулась лицом в растерзанные подушки и зарыдала — тяжело, страшно, давясь собственными слезами, которые смывали дорогую черную тушь, пачкая щеки грязными серыми полосами.

Ее растоптали.

Кабинет, еще вчера казавшийся символом ее неограниченной власти, превратился в склеп. Впереди ее ждали лишь пустая двухкомнатная квартира с евроремонтом, холодная постель и оглушительная, мертвая тишина, которую нечем было заглушить.

И пока она лежала на растерзанном диване, в глубине ее обожженной, травмированной души начала стремительно разрастаться темная, ядовитая метастаза. Слепая, бешеная ненависть ко всему миру, где чужое счастье существовало наперекор ее боли.

Глава 8. Омут забвения

Унизительный финал романа с Муратом оставил в душе Катерины не просто пустоту — он выжег в ней всё живое, оставив лишь тлеющие угли растоптанной гордости.

Всю неделю после того страшного вечера поликлиника гудела, как растревоженный улей. Главный врач на утренней планерке с подобострастной улыбкой зачитывал приказ министерства о переводе ведущего хирурга Мурата Каримова. Коллеги завистливо перешептывались, медсестры вздыхали, обсуждая его скорую свадьбу с дочерью генерального директора фармацевтического холдинга, а Катя сидела во главе стола с прямой спиной, в наглухо застегнутом белом халате, и ее лицо напоминало фарфоровую маску.

Ни один мускул не дрогнул на ее безупречных скулах. Лишь ногти с темным лаком так глубоко впивались в кожаный переплет ежедневника, что на плотном картоне оставались рваные борозды.

Возвращаться по вечерам в пустую двухкомнатную квартиру на десятом этаже стало пыткой. В тишине коридора ей постоянно чудился тяжелый, насмешливый голос Мурата, скрип кожи дивана и запах его парфюма с нотами черного перца и табака.

А за тонкой панельной стеной звенела совершенно другая, невыносимая для нее жизнь.

Катя стояла у кухонной раковины в темноте, не зажигая света, и сквозь вентиляционную решетку отчетливо слышала, как в соседней квартире Артём шутливо гонялся за хохочущей Настей, как звенели чашки и как смеялась эта белокурая профессорша — Елена. «Идеальная семья. Чистая, непорочная святая со своими формулами и правильным мужем-строителем», — ядовитая, удушающая зависть поднималась к горлу Кати горячей тошнотой. Почему у этой сухопарой зануды с кафедры есть всё: верный, сильный мужчина, обожающий ребенок, надежный дом, а ее, яркую, статусную красавицу, просто выбросили на свалку, как использованный перевязочный материал?

В пятницу вечером железный обруч самоконтроля окончательно лопнул.

Кате требовалось заглушить эту боль любой ценой — сжечь ее в алкоголе, в грохоте чужих голосов, в грязи, лишь бы не оставаться наедине с тишиной.

Она нанесла на губы темно-вишневую помаду, подвела глаза угольно-черными стрелками и надела короткое, вызывающе облегающее черное платье с открытой спиной, подчеркивавшее каждый изгиб ее тренированного тела. Капли тяжелого восточного парфюма обожгли ключицы.

Ночной клуб в центре города встретил ее оглушительным, вибрирующим ударом басов, сизым чадом кальянов и слепящими вспышками неоновых стробоскопов. Катя сразу прошла к длинной барной стойке из черного оникса.

— Двойной бурбон со льдом. И повторять, пока не остановлю, — бросила она бармену, нервно барабаня пальцами по полированному камню.

Первая порция обожгла горло, разливаясь по венам сухим, колючим жаром. Вторая сняла спазм в висках. Музыка вокруг казалась первобытным хаосом, толпа на танцполе двигалась единым потным, бессмысленным телом. Катя пила, чувствуя, как внутри нарастает злая, бесшабашная смелость.

— Опасная дозировка для такой роскошной женщины, — раздался над ее ухом низкий, с легкой надломленной хрипотой голос.

Катя медленно повернула голову. Рядом за стойкой сидел мужчина лет тридцати. Он был хорош собой, но это была красота человека, балансирующего на краю пропасти: черная шелковая рубашка с расстегнутым воротом, резкие, бледные черты лица, темные волосы в легком беспорядке и лихорадочный, неестественно яркий блеск глубоко запавших глаз. В его взгляде читалась та же самая застарелая, невыносимая душевная травма, что терзала сейчас и ее.

— А вы у нас нарколог или просто любитель совать нос в чужие стаканы? — холодно усмехнулся Катя, обводя его оценивающим, хищным взглядом.

— Скорее пациент с пожизненным диагнозом, — криво усмехнулся он, пододвигая к ней свой бокал с виски. — Меня зовут Игорь.

Они не стали тратить время на светские условности.

Между ними с первой минуты возникло то странное, болезненное притяжение двух покалеченных хищников, которые мгновенно распознают внутренний яд друг друга. Алкоголь лился рекой: шоты текилы, острый лайм, едкий табачный дым. На душном, раскаленном танцполе Игорь грубо, по-хозяйски прижал Катю к себе за талию, вжимая ее бедра в свои, и она ответила на этот вызов с яростной, отчаянной готовностью.

В такси они уже не могли оторваться друг от друга. Игорь целовал ее страстно, прикусывая губы до солоноватого привкуса крови, а Катя судорожно впивалась пальцами в его плечи, вымещая в этом слепом угаре всю свою ненависть к Мурату. Они ввалились в ее квартиру на десятом этаже, срывая одежду прямо на пороге. Дверь захлопнулась, в темноте прихожей с глухим стуком упала ее сумочка, затрещала пуговица на его рубашке.

Это не было любовью или нежностью. Это была яростная, ядовитая похоть — почти животная схватка двух израненных тел, пытавшихся сжечь собственную пустоту. Они предавались безудержной страсти прямо на паркете в коридоре, затем на широкой постели в спальне — резко, требовательно, до изнеможения, до синяков на ее бедрах. Катя стонала сдавленно и зло, сжимая простыни, упиваясь этой грубой, разрушительной силой, которая выбивала из памяти новости и министерские приказы.

К полудню субботы буря утихла, оставив после себя тяжелую усталость, запах табака и разбросанную по комнатам одежду.

Завернувшись в шелковые халаты, с тяжелыми от алкоголя головами, они вышли на балкон подышать свежим воздухом. День выдался ясным, солнечным. С высоты этажа весь двор просматривался как на ладони: зеленая трава газонов, новенькие деревянные скамейки, детские качели. Катя лениво щелкнула дорогой зажигалкой, прикуривая тонкую ментоловую сигарету, и выпустила струю сизого дыма сквозь приоткрытую створку.

В этот момент из подъезда внизу неторопливо вышли мы с Артёмом и Настей. Стояло теплое субботнее утро. Артём нес в одной руке пакет с фруктами, а второй бережно держал Настю, которая весело подпрыгивала, рассказывая что-то на весь двор.

Я шла рядом в легком голубом платье с мелким цветочным рисунком. Артём наклонился ко мне, что-то шепнул на ухо, я счастливо, звонко рассмеялась и шутливо толкнула его в плечо, после чего он открыто, нежно поцеловал меня в висок.

От нашей маленькой семьи веяло таким осязаемым, чистым и несокрушимым светом, что люди на соседних скамейках невольно поворачивали головы и улыбались нам вслед.

Катя ядовито скривила губы, с отвращением стряхивая пепел в баночку:

— Погляди на этих святош. Сил нет смотреть на этот приторный цирк каждый божий день. Профессорша математики из квартиры напротив. Муж на руках носит, пылинки сдувает, дочка — ангелочек... Аж тошнит от этой непогрешимости.

Она повернулась к Игорю, ожидая дежурной циничной шутки, но слова застряли у нее в горле. Мужчина рядом с ней изменился до неузнаваемости. Лицо Игоря стало мертвенно-бледным, почти пепельным. Глаза расширились до предела, зрачки превратились в две черные точки, а пальцы, державшие сигарету, задрожали так сильно, что окурок выпал из рук и зашипел на плитке балкона. Вены на его шее вздулись толстыми багровыми жгутами, грудь ходила ходуном, а изо рта вырвался хриплый, свистящий спазм:

— Это... она... — прошептал он пересохшими, побелевшими губами.

Катя насторожилась, мгновенно подобравшись, как пантера перед прыжком:

— Кто она? Ты о ком, Игорь?

— Лена... Елена... — голос мужчины сорвался на звенящий, безумный полушепот, полный дикой, застарелой боли. Он вцепился обеими руками в металлическое ограждение балкона с такой силой, что побелели костяшки. — Это она! Моя святая отличница... Моя первая любовь...

Катя замерла, не веря собственным ушам. Ее цепкий, холодный ум медика заработал с бешеной скоростью:

— Ты знаешь мою соседку? Эту зануду с мехмата?

— Знаю ли я её?! — Игорь резко обернулся к ней, и в его взгляде вспыхнуло самое настоящее, чистое помешательство. Человек с сорванными тормозами, переживший тяжелейший слом психики, больше не контролировал себя. — Я молился на нее! Мы учились вместе.

Я ночи напролет сидел над ее конспектами, я дышал воздухом, которым она дышала! Мы были вместе два года. Она была чистой, непорочной... девочка с косичками, гордость факультета. А потом, на третьем курсе, она просто растворилась. За один день!

Он судорожно провел ладонью по лицу, размазывая холодный пот:

— Выключила телефон, сменила квартиру, оборвала все связи. Вычеркнула меня, как плевок на асфальте! Я искал ее как проклятый. Ночевал под дверями ее старого дома, с ума сходил, выл в подушку от боли... А через полгода я раскопал правду. Раскопал, на чьи деньги операцию матери делали!

— И на чьи же? — вкрадчиво, почти не дыша, спросила Катя, чувствуя, как внутри разгорается пьянящее предвкушение чужой тайны.

— На деньги от проституции! — выплюнул Игорь, и по его подбородку потекла слюна от дикой, клокочущей ярости. — Наша целомудренная Леночка пошла в гостиничный номер и продала свою девственность за пачку мятых стодолларовых бумажек! Десять тысяч баксов за ночь на шелковых простынях! Да, матери на операцию, плевать мне на ее благородные мотивы! Она продала себя, понимаешь?! Стала обычной шлюхой по вызову! Но самое страшное — она мне ничего не сказала. Не попросила помощи, не доверилась, просто растоптала мою любовь в дерьмо и пошла торговать телом!

Игорь задыхался, его трясло мелкой, лихорадочной дрожью:

— Когда я всё узнал, у меня крыша поехала. Я пришел в общагу, заперся в ванной, скрутил веревку из простыни и затянул петлю на шее. Меня сокурсники вытащили... топором дверь вынесли, когда я уже синел. А потом — закрытое отделение клиники неврозов. Полгода на вязках, Катя! Полгода жестких нейролептиков, слюни по подбородку, капельницы и санитары, ломающие ребра, если начинаешь орать по ночам! Моя жизнь сломана, втоптана в навоз! Я учёбу бросил, диплом не защитил, остался никем!

Он снова дико посмотрел вниз, где Артём в этот момент бережно сажал меня в салон белого кроссовера:

— А теперь посмотри на нее! Ходит павой! Муж, ребенок, статус! Она отмылась, Катя! Нацепила на себя маску безгрешной праведницы, пристроилась в теплом гнездышке и живет припеваючи, пока я гнию заживо! Ненавижу... Как же я ее смертельно ненавижу! Моя собственная жизнь пошла под откос, а она стерла всё из памяти! Растоптать бы эту сытую морду... Стереть ее благополучие в пыль, чтобы она ползала на коленях и выла так же, как выл я!

Для Катерины эта бешеная, надрывная исповедь прозвучала как раскат спасительного грома среди ясного неба. Все детали пазла сошлись в одну ослепительную, чудовищную картину.

«Значит, вот какая ты на самом деле, святая соседка? — с леденящим, дьявольским восторгом подумала Катя, глядя на отъезжающую машину Елены. — Обычная девка, которая однажды легла под богатого авторитета за пачку купюр! И ты смела смотреть на меня свысока? Ты смела учить меня, что в твоем уравнении все переменные идеальны?! В то время как я, пахавшая как проклятая на двух ставках, осталась брошенной и растоптанной Муратом — ты купаешься в семейном счастье, построив его на фундаменте панельной проституции?!»

В эту секунду застарелая, безумная боль Игоря и ее собственная черная, разъедающая зависть окончательно сплавились воедино. Оружие невероятной убойной силы само упало Кате в руки.

Она медленно подошла к тяжело дышащему Игорю сзади. Мягко, по-кошачьи положила ладони на его напряженные, дрожащие плечи и прижалась к его спине своим полуобнаженным телом.

— Игорь... — ее голос зазвучал тихо, вкрадчиво, с той бархатной гипнотической властью, перед которой невозможно устоять. — Ты действительно хочешь отомстить? Хочешь разрушить ее хваленый фасад до самого основания?

Мужчина резко повернулся, заглянув в ее темные, бездонные глаза: — Больше всего на свете. Я жизнь отдам, чтобы увидеть, как рушится ее чистый мирок.

Катя хищно, торжествующе улыбнулась, и в ее зрачках блеснул холодный огонь заговора: — Жизнь отдавать не надо, милый. Эмоции — это слабость. Доверься мне, Игорь. Твоя святая Леночка очень скоро сама приползет ко мне на коленях.

Глава 9. Ловушка для разума

Майское утро понедельника выдалось ослепительным, умытым ночной грозой. Асфальт во дворе уже высох, а молодая клейкая зелень берез и сирени источала тот свежий, щемящий аромат весны, от которого на душе становилось просторно и легко.

В нашей квартире царила привычная, радостная суета. Настя, зажав в кулачке яркую заколку, крутилась перед зеркалом в прихожей, примеряя розовый ранец со светоотражающими котятами. Артём, широкоплечий, пахнущий свежевыглаженным хлопком и кофе, завязывал шнурки на кроссовках дочери, подшучивая над её утренней неторопливостью. Я поправляла ворот своего светлого плаща, глядя на них, и чувствовала ту непоколебимую, железобетонную защищенность, ради которой стоило жить и дышать.

Ровно в восемь двадцать мы вышли на лестничную площадку десятого этажа. Дверь соседней квартиры — номер сорок восемь — мягко щелкнула замком, и на пороге показалась Катерина.

Сегодня она выглядела не просто собрано, а вызывающе безупречно. Темно-синий приталенный костюм сидел на её точеной фигуре как влитой, подчеркивая узкую талию и крутые бедра; темные волосы были туго убраны назад в высокий гладкий хвост, обнажая тонкую шею и породистые, четкие скулы. В руке она держала тонкую кожаную папку с логотипом диагностического центра.

От неё веяло шлейфом сухого ириса и дорогого мускуса — сложным, властным запахом успешного руководителя.

Ни единая тень, ни один микрожест на её красивом, скульптурном лице не выдавали того, что еще вчера на своем балконе она стояла рядом с полубезумным Игорем, слушала его ядовитую исповедь о моей студенческой жертве и с леденящим азартом выстраивала план.

— Доброе утро, соседи! — бархатным, низким грудным голосом произнесла Катя, и её губы тронула открытая, светлая улыбка. — Настенька, какая модница! Это для детского сада такая красота?

— Да, тетя Катя! — гордо прозвенела дочка, демонстрируя блестящие замки ранца.

— Очень красиво, тебе невероятно идет, — мягко ответила Катерина. Её карие глаза на доли секунды скользнули по Артёму, считывая его спокойную, безмятежную силу, а затем остановились на мне — тепло, по-соседски, почти участливо. — Елена, еще раз с возвращением из Норвегии. Видела вашу колонку в университетских новостях. Гордость нашего подъезда!

— Спасибо, Катерина, очень приятно, — с вежливой улыбкой отозвалась я.

Мы вошли в зеркальную кабину лифта. Металлический трос глухо загудел, увлекая нас вниз. Лифт мягко затормозил, двери распахнулись в залитый солнцем вестибюль. Мы дружно вышли на свежий воздух.

У развилки дорожек Артём присел на корточки, чмокнул Настю в круглую щеку, а затем поднялся и нежно, открыто поцеловал меня в губы:

— Ну всё, мои девочки, я побежал. Ленусь, созвонимся после обеда, из садика заберу малую сам. Катерина, хорошего вам дня!

— Спасибо, Артём, удачной смены, — мягко проводила его Катя долгим, спокойным взглядом.

— Какой у тебя всё-таки Артём замечательный, Лен, — негромко, с легкой, обезоруживающей женской грустью заговорила Катя.

В её интонации не было яда — звучала лишь тихая, прозрачная зависть одинокого человека.

— Редкий мужчина сейчас так держится за семью. Обычно после пяти лет брака уже охладевают, уходят в быт, на сторону поглядывают… А у вас — настоящая крепость. Прямо глаз радуется.

— Нам повезло, — искренне отозвалась я, чувствуя приятное, теплое удовлетворение за наш брак.

— Катерина задумчиво усмехнулась, глядя вдаль на утренний поток машин.

— Наверное. А я вот со своей медициной так ничего и не построила. Всё казалось — успеется. Диссертация, высшая категория, должность начмеда, квартира… Оглянулась — тридцать три года. Всё есть, статус, деньги, а возвращаешься в пустые стены. Даже кота завести некогда — сутками на работе и в разъездах. Пустота.

Она произнесла это настолько просто, без рисовки, надрыва или скрытой фальши, что мой привычный академический барьер окончательно пал. Передо мной шла не властная чиновница от медицины, а уставшая, глубоко одинокая женщина, несущая непомерный груз чужих болезней и проблем.

У ажурных ворот детского сада мы остановились. Настя весело помахала нам рукой и побежала по дорожке к своей группе.

Катерина повернулась ко мне. Её пальцы с идеальным маникюром мягко, деликатно коснулись рукава моего плаща:

— Слушай, Лена... Живем с тобой дверь в дверь уже столько времени, а толком даже не поговорили ни разу по-человечески. Всё на бегу, всё в этих бесконечных делах. Ты вечно в своих графиках и лекциях, я в бумагах и проверках.

Давай в эту пятницу вечером, часиков в семь, заглянешь ко мне на чай? Я куплю хороших пирожных в кондитерской, заварю потрясающий горный сбор с чабрецом. Посидим по-сосед-

ски, без белых халатов, без твоих интегралов и без рабочих масок. Просто выдохнем после тяжелой недели, посплетничаем о нашем, о девичьем. Как ты на это смотришь?

Мой аналитический ум, привыкший просчитывать вероятности и риски, не подал ни малейшего сигнала тревоги. Для подозрений не было ни граничных условий, ни скрытых переменных. Это казалось самым естественным, добрым соседским жестом.

— Знаешь, Кать, с удовольствием, — с открытой улыбкой согласилась я. — Спасибо за приглашение. Мне и самой после перелетов и симпозиума нужно немного переключиться. В пятницу Артём с Настей едут за город к родителям, так что я освобожусь на кафедре и часам к семи с радостью к тебе приду.

— Вот и договорились! Буду очень ждать, Леночка, — Катя просияла теплой, почти сестринской улыбкой и слегка сжала мои пальцы. — Ничего с собой не бери, я всё приготовлю сама. Хорошего рабочего дня!

Она развернулась и легкой, пружинистой походкой направилась к припаркованному автомобилю. Я проводила её взглядом, вдыхая свежий майский воздух и радуясь наступающему дню. Жизнь казалась совершенной, прозрачной и защищенной от любых невзгод.

Глава 10. Омут и искушение

В пятницу стрелки настенных часов в пустой аудитории мехмата застыли на шести вечера. Я с наслаждением опустила крышку ноутбука, защелкнула тяжелый замок кожаного портфеля и выдохнула накопившийся за неделю академический шум: бесконечные матрицы, споры с рецензентами, тревожные взгляды первокурсников перед первой сессией. В семь меня ждала Катерина.

Мой привычный аналитический ум, годами тренированный на поиск скрытых параметров и граничных условий, в этом бытовом приглашении не видел абсолютно никакой угрозы. Катя казалась мне привлекательной, умной, но глубоко одинокой женщиной, которая за безупречным медицинским мундиром замглавврача прятала тоску по простому человеческому теплу. Мне хотелось поддержать её, перекинуться парой женских фраз, выпить жасминового чая и с чистой совестью вернуться в свою крепость.

Я накинула легкий кардиган цвета топленого молока и сделала ровно шесть шагов по лестничной площадке. Тяжелая металлическая дверь квартиры номер сорок восемь распахнулась почти мгновенно, едва пальцы коснулись кнопки звонка — будто хозяйка стояла в прихожей и считала секунды. — Ленка! Проходи скорее! — защебетала Катерина, сияя ослепительной, радушной улыбкой.

Она выглядела эффектно и утонченно: струящийся домашний костюм из изумрудного шелка выгодно очерчивал её высокую, подтянутую фигуру, темные волосы были свободно перехвачены серебряной заколкой, а в воздухе плыл тяжелый, чарующий шлейф дорогого французского парфюма с терпкими древесными нотами.

— Привет, Кать. Я, как видишь, пунктуальна, — улыбнулась я, разуваясь и ставя туфли на коврик.

— Математическая точность, обожаю! — Катя бережно приняла мой кардиган и увлекла меня в гостиную.

В комнате царил мягкий, обволакивающий полумрак. Горел лишь высокий торшер с абажуром из плиссированной ткани, отбрасывая теплые янтарные круги на полированный паркет. Тихо, едва слышно наигрывал приглушенный лаунж. Но первое, что приковало мой взгляд на круглом журнальном столике из темного стекла — это не чайник, а массивная граненая бутылка густого, темно-янтарного импортного ликера, два высоких хрустальных бокала и тарелка с тонкими ломтиками ананаса и сыра бри.

— Ого... — я невольно запнулась на полушаге. — А я думала, мы действительно просто попьем травяного чая.

Катя весело, звонко и невероятно заразительно рассмеялась:

— Ну какой чай в пятницу вечером, Леночка?! Брось ты эту свою строгую профессорскую броню! Мы молодые, красивые, успешные женщины. Пашем всю неделю как каторжные: ты со своими интегралами, я в клинике с проверками минздрава и бесконечными отчетами... Мы заслужили хотя бы час абсолютного, ленивого расслабления. Чай мы тоже заварим, обязательно, у меня горный сбор из Абхазии. Но сначала по капле этого чуда. Чисто за дружбу и за то, чтобы между нашими квартирами не было глухих стен.

Ее тон был настолько легким, естественным и обезоруживающим, что возражать казалось глупой, напыщенной чопорностью. Я мягко улыбнулась и опустилась на глубокий кожаный диван:

— Уговорила. Но только совсем немного.

— Договорились!

Тягучая, маслянистая жидкость с глухим плеском наполнила хрусталь. Ликер пах горьким миндалем, ванилью и дикими травами. Мы чокнулись. Звон хрусталя прозвучал в тишине комнаты тонко и чисто. Первый глоток обжег язык бархатным жаром, оседая в горле терпкой сладостью.

Разговор потек сам собой. Сначала мы зацепились за моду, потом за особенности ухода за волосами, плавно перейдя на университетские будни. Катерина оказалась потрясающим, феноменально чутким слушателем.

Она не перебивала, сочувственно кивала, подпирала точеный подбородок рукой и смотрела мне прямо в глаза с таким неподдельным восхищением, какого я давно не встречала среди завистливых коллег по кафедре.

— Знаешь, Лена, я смотрю на тебя и поражаюсь, — негромко, доверительно произнесла она, придвигаясь чуть ближе по кожаной обивке дивана. — Ты кажешься абсолютно монолитной. Муж надежный, преданный, пылинки сдувает. Дочка — ангел. На работе тебя прочат в деканы, в Осло аплодируют стоя... Как тебе удается удерживать этот баланс? Неужели внутри никогда ничего не дает сбой? Неужели тебе никогда не хочется сорвать этот идеальный корсет?

— Это просто дисциплина, Кать, — ответила я, ощущая, как от ликера по телу разливается приятная истома. — Жизнь как марковский процесс: если ты держишь под контролем текущее состояние, система устойчива. Ошибки начинаются там, где позволяешь себе расслабиться в граничных условиях.

— Ох уж эти твои формулы... — Катя тихо вздохнула, и в её взгляде на миг промелькнула странная, колючая тень, которую я списала на игру света от торшера. — Иногда мне кажется, что за формулами ты прячешь живое сердце.

В этот момент мой телефон, лежавший на краю столика, коротко завибрировал. На экране вспыхнуло фото от Артёма: Настя победоносно держала в руках деревянный флаг над замком, а внизу короткая подпись: «Штурм цитадели завершен, моем щеки и в кровать. Маме привет!».

Теплая, родная волна нежности окатила грудь. Я улыбнулась, пальцы быстро забегали по стеклу клавиатуры: «Мои строители самые лучшие».

— Я на секунду, захвачу свежего льда из морозилки, ликер должен быть холодным, — легко бросила Катя и поднялась с дивана. Она скрылась за кухонной перегородкой.

Там, в слепой зоне коридора, где её не могли отразить зеркала гостиной, приветливая улыбка мгновенно слетела с лица замглавврача.

Пальцы Катерины двигались с хладнокровной, хирургической точностью: она извлекла из глубокого кармана крошечный флакон из темного медицинского стекла без фабричной маркировки. Спецхран клинической токсикологии. Высококонцентрированный психотропный стимулятор центрального действия — вещество, разработанное для снятия критических

барьеров коры головного мозга, искусственного разгона нейромедиаторов и тотального растормаживания подкорковых инстинктов.

Прозрачные, маслянистые капли сорвались с дозатора прямо в мой недопитый бокал. Следом упал прозрачный кубик льда, моментально растворив химический состав в янтарной густоте напитка.

— А вот и холод! — Катя вернулась в комнату легкой, пружинистой походкой, держа бокал за тонкую ножку. На её губах вновь играла безукоризненная маска гостеприимной соседки. — Ну, за твою непоколебимую систему, Леночка! Пей до дна, ликер быстро теряет букет.

— За хороших соседей, — легко отозвалась я, отложив телефон экраном вниз.

Я поднесла бокал к губам и сделала глубокий, доверчивый глоток. Лед мягко стукнул о хрусталь.

Мы проговорили еще минут десять о какой-то пустяковой статье по медицинской статистике, как вдруг окружающее пространство начало неуловимо, пугающе меняться. Сначала это было похоже на резкий прилив жара, словно в комнате внезапно включили скрытый калорифер на максимальную мощность. Воздух сделался густым, тяжелым, перенасыщенным запахами: аромат Катиного парфюма вдруг стал нестерпимо резким, почти осязаемым, оседая на языке мускусной горечью.

Затем внутри, глубоко в солнечном сплетении, зародилась тяжелая, пульсирующая горячая лавина. Кровь в жилах будто превратилась в расплавленный, гудящий свинец. Удар сердца отдался в висках глухим, низким колоколом.

Мой привычный, кристально ясный внутренний экран, на котором всегда выстраивались строгие логические цепочки, мгновенно заволокло едким, дурманящим туманом.

— Что-то... как-то душно стало, Кать... — пробормотала я. Собственный голос показался мне чужим — хриплым, глубоким, вибрирующим от непривычного спазма в связках.

Дрожащими, внезапно ставшими непослушными пальцами я потянулась к воротнику своей шелковой блузки и расстегнула верхнюю пуговицу. Кожа на шее и ключицах пылала так, будто я стояла под полуденным солнцем в зените.

Сердце колотилось в ребра с частотой за сотню ударов, а вниз живота, прямо под диафрагму, накатила тупая, тягучая, пугающая волна концентрированного, животного жара. Каждая клетка тела словно пробудилась от долгого наркоза, требуя кислорода и движения.

Катерина, сидя напротив, слегка наклонила корпус вперед, и её темные глаза хищно, с леденящим, садистским торжеством впивались в мое лицо. Она с жадным профессиональным интересом фиксировала каждую фазу биохимического взлома: мои расширившиеся, почти черные зрачки, прерывистое, частое дыхание, вздымающее грудь под расстегнутым шелком, и лихорадочный, неестественный румянец, заливающий скулы.

— Душно, говоришь? — вкрадчиво, с бархатной насмешкой протянула Катя, не отводя немигающего взгляда. — А мне кажется, тебе просто безумно скучно, Ленка. Ты заперла себя в душном склепе из своих формул и примерного брака. Твое тело кричит, а ты заставляешь его молчать.

— Нет... я... мне, наверное, надо домой... — я попыталась опереться ладонями о край стола, чтобы встать, но ноги налились ватной, предательской слабостью. Мир перед глазами слегка качнулся, как палуба катера на волнах. Логика рушилась: я понимала, что нужно уйти, но физическое ощущение разливающегося по венам запретного тепла парализовало волю.

— Брось, какой дом? Девяти еще нет, Артём с Настей за городом, — Катя мягко, властно накрыла своими пальцами мою горящую руку.

Ее ладонь была прохладной, сухой, и от этого прикосновения по моим обнаженным нервам пробежал электрический, пугающий разряд, вызвавший судорожный вздох. — Хватит тухнуть в четырех стенах. Мы едем в клуб.

— В... в клуб?.. — эхом повторила я, с трудом ворочая пересохшим языком. — Какой клуб, Катя, я не хожу по клубам... я преподаватель...

— Ты живая, роскошная женщина, которую разрывает на куски от жажды жизни! — Катя резко поднялась, потянув меня за собой за запястья. — Мы просто потанцуем. Сбросим этот пар. Полчаса — и я привезу тебя обратно. Никто ничего не узнает. Поехали!

Препарат работал безжалостно, методично выжигая последние островки сопротивления в лобных долях. Внутренний сторож, спасавший меня в Осло, замолчал. Все барьеры приличий, десятилетний страх огласки и академическая строгость растворились в пульсирующем мареве стимулятора. Мое тело, одурманенное химией, требовало лишь одного: выхода для этой клокочущей, разрушительной энергии.

— Потанцевать... — глупо, механически повторила я, глядя на свои пылающие щеки в зеркале прихожей. Глаза блестели темным, лихорадочным блеском незнакомки. — Да... наверное, надо... сбросить.

— Вот и умница, — прошептала мне на ухо Катерина, и в стекле отразилась ее торжествующая, беспощадная улыбка. — Пора выпустить зверя наружу, Леночка.

Ночной воздух обжёг лицо, едва мы вышли из подъезда, но долгожданной прохлады он не принёс. Внутри меня разгорался глухой, неумолимый пожар. Медицинский стимулятор, который Катерина подмешала в мой бокал с ликёром, начал действовать в полную силу. Кровь тяжело стучала в висках, окружающие звуки приобрели неестественную звонкость, а привычный аналитический контроль рассыпался на несвязанные фрагменты. Рассудок, годами опиравшийся на строгие формулы и математический порядок, оказался бессилен перед токсическим воздействием на нервную систему.

— Держись за меня, Леночка, — тихо произнесла Катерина, крепко сжав моё предплечье. В её голосе звучала холодная уверенность. — Тебе нужно развеяться. Пора сбросить эту маску строгой правильности.

Она поймала такси, усадила меня на заднее сиденье и села рядом. За окном огни ночного города сливались в сплошные светящиеся полосы. В теле нарастало пугающее ощущение невесомости, сменяющееся приступами слабости и жара. Катерина неотрывно наблюдала за моим состоянием, фиксируя каждую реакцию: расширенные зрачки, сбивчивое дыхание, неспособность сосредоточиться на простой мысли.

Автомобиль остановился перед входом в полуподвальное помещение с тёмной вывеской клуба.

Внутри царил оглушительный ритм. Низкие басы сотрясали пол, воздух был пропитан запахами алкоголя, табака и сухого льда, а лучи лазеров и стробоскопов рассекали полумрак, выхватывая плотную толпу танцующих людей. Катерина уверенно провела меня сквозь зал на второй ярус — в полутёмное пространство вип-ложи, отгороженное от общего зала плотными портьерами. Там, за низким столиком с широкими кожаными диванами, уже стояли бутылки со спиртным.

— Выпей, — Катерина наполнила бокал и протянула его мне. — Это снимет напряжение.

Алкоголь окончательно уничтожил остатки сопротивления. Спустя несколько минут к ложе подошёл незнакомый мужчина крепкого сложения в расстёгнутой тёмной рубашке. Он поздоровался с Катериной как со знакомой, перебросился с ней несколькими фразами, после чего перевёл взгляд на меня.

В полутьме вип-ложи произошло то, чего я никогда не допустила бы в ясном уме. Отрезанная от реальности химическим воздействием, подавленная присутствием Катерины и полностью потерявшая ориентиры, я оказалась объектом чужого циничного, плотоядного интереса. Мужчина опустился рядом на диван. Вспышка басов и неоновый луч вспороли темноту, когда его тяжелая, горячая ладонь бесцеремонно легла на мое обнаженное колено.

Действия незнакомца были жесткими, лишенными какого-либо намека на чувство или человеческое тепло. Нарушение моих физических и личных границ происходило быстро и методично, в атмосфере полного, леденящего безразличия со стороны наблюдавшей за процессом Катерины. Разогнавшийся под действием токсина пульс превратил происходящее в удушливый, лихорадочный бред. В моем сознании это запечатлелось как серия тяжелых, разобщенных, обжигающих вспышек: ледяная, скользкая кожа дивана, врезавшаяся в лопатки, чужой удушливый вес, безжалостное принуждение и мое полное, абсолютное бессилие противостоять этому кошмару. Я лишь глухо, беспомощно стонала в темноту ложи, пока чужие пальцы без разбора сминали ткань моей блузки, выжигая человеческое достоинство.

Когда всё закончилось, мужчина молча поправил одежду и покинул ложу, не проронив ни слова. Катерина стояла у края ограждения, спокойно наблюдая за бушующим внизу танцполом. На её лице не было эмоций — лишь деловитое, садистское удовлетворение проведенным экспериментом по разрушению чужой личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.